

«Напрасно ждал Наполеон...»

*Что бывает с теми,
кто не понимает
загадочную русскую душу*

Александр Васькин,

член Союза писателей Москвы, член Союза журналистов
Москвы, лауреат Горьковской литературной премии

Дурные вести из Франции.

Худ. В.В. Верещагин.

Ровно двести лет назад, в сентябре 1812 г., в Москве произошло событие, решительным образом изменившее привычный ход всей последующей мировой истории. А что, собственно, случилось? В том-то и дело, что ничего — в военном смысле. Бородинское-то сражение произошло ещё 26 августа — по старому стилю. А в Москве никакого сражения не было. Русская армия без боя сдала Москву, а наполеоновские войска заняли её 2 сентября 1812 г. и, промучившись месяц в сгоревшем городе, позорно оставили свою обглоданную добычу.

А всё Наполеон! Как ни уговаривали его свои же маршалы поскорее убраться из спаленной пожаром Москвы, пугая русскими холодами, голодом, усугубляющейся деморализацией армии — а он ни в какую. Больше месяца французский император безрезультатно прождал перемирия в древней русской столице. Нельзя не отметить, что два этих процесса проходили одновременно: чем ниже было моральное падение французских солдат, тем сильнее их император жаждал мира. Уже и есть в Москве было нечего, и раненых вывозить не на чем (одних лошадей съели, а другие сами передохли), а Наполеон всё надеялся — Александр 1-й вот-вот протянет ему руку дружбы...

Наполеон избаловал свою армию, приучив её к лёгким и быстрым победам. Столь скоротечного мира ожидал он и в России. Но привычка сослужила ему плохую службу. Не только самый последний капрал уверовал в неотвратимость скорого и победного завершения русской

Исторические штудии

кампании, но и сам император был в этом убеждён, обманывая себя. Первый самообман случился 2 сентября на Поклонной горе.

Пребывание Наполеона на Поклонной горе было вызвано не простым желанием обозреть Москву из подозрной трубы — сколько городов видел он вот таким образом за свою военную карьеру! Командующий «Великой армии» ждал здесь ключи от Москвы, а также «хлеб-соль» по русскому обычаю. Однако, время шло, а ключей всё не было. Тогда Наполеон решил занять не менее важным делом: увековечить свой первый день в Москве, немедленно написав письма парижским чиновникам. Как хотелось Наполеону тут же, сию минуту сообщить, что Москва, как и многие столицы Европы, «официально» пала к его ногам. Но ключей-то всё не было!

Поначалу он пытался успокаивать себя и своё окружение, говоря о том, что сдача Москвы — это дело совершенно новое для москвичей, вот потому-то они и медлят с ключами, видимо, выбирая из своей среды самых лучших депутатов для визита к Наполеону.

Но терпение его было не безграничным. Уже несколько офицеров, ранее посланных им в Москву, возвратились ни с чем: «Город совершенно пуст, ваше императорское величество!». Один из офицеров притащил к Наполеону своеобразную «депутацию» — пятерых бродяг, каким-то образом выловленных им в Москве. Реакция Наполеона была своеобразной: «Ага! Русские ещё не сознают, какое впечатление должно провести на них взятие столицы!».

Бонапарт решил, что раз русские сами не идут, тогда надо их привезти: «Пустая Москва! Это невероятно! Идите в город, найдите там бояр и приведите их ко мне с ключами!», — приказывал он своим генералам. Но ни одного боярина (к разочарованию императора) в Москве не нашли — знай Наполеон, что последнего боярина видели в Москве лет за сто до описываемых событий, он, вероятно, и не стал бы так расстраиваться. В итоге император всё-таки дождался. Правда, не ключей, а депутации. Но и депутация

эта была совсем не та, которую он так надеялся принять. На Поклонную гору пришла группа московских жителей французского происхождения, искавших защиты у Наполеона от мародёров.

Среди припавших к стопам Наполеона были лектор Московского университета Виллерс, пара книготорговцев, управляющий типографией Всеволожского Ламур и прочие совершенно незначительные личности. Московские французы не скрывали своей радости от прибытия «Великой армии» в Москву. Сегодня мы удивляемся, откуда вообще могла взяться эта «группа товарищей», хорошо говорящих на французском языке. Ведь генерал-губернатор Москвы Фёдор Ростопчин особое внимание уделил вывозу иностранцев из Москвы — было приказано выехать не только французам, но и немцам и т.д. Значит, не всех вывезли...

Поскольку больше говорить Наполеону было не с кем, ему пришлось выслушивать слова признательности от своих же соотечественников: «Москвичами овладел панический страх при вести о торжественном приближении Вашего Величества! А Ростопчин выехал ещё 31 августа!» — сообщал Ламур. Услышав про отъезд Ростопчина Наполеон выразил удивление: «Как, выехал ещё до сражения?». Император, имея ввиду Бородинское сражение, видимо, забыл, что москвичи, как и все россияне, жили по календарю, отличному от европейского на целых двенадцать дней!

Осознание Наполеоном того факта, что он остался без ключей, что Москва не сдалась ему так, как он хотел бы и как это было всегда, вывело Бонапарта из себя. Никогда не видели его таким адъютанты и генералы: Наполеон не стоял на месте, скрестив руки (его любимая поза), а буквально метался, то надевая перчатку, то снимая её с руки, то извлекая, то пряча в карман носовой платок. А ещё он почему-то теребил себя за нос.

Более двух часов потерял французский император на Поклонной горе, так и не поняв, почему же русские не принесли ему ключей от

А. Васькин. «Напрасно ждал Наполеон...»

своего города. А вот простой сержант его армии Адриен Бургонь если не осознал, то оказался очень близок к пониманию сей причины: «В этот день мне поручили стеречь нескольких офицеров, оставшихся в плену после Бородинского сражения. Многие из них говорили по-французски. Между ними находился, между прочим, и православный поп, вероятно полковой священник, также очень хорошо говоривший по-французски; он казался более печальным и озабоченным, чем все его товарищи по несчастью. Я заметил, как и многие другие, что когда мы взобрались на холм, все пленные склонили головы и несколько раз набожно осенили себя крестным знаменем. Я подошёл к священнику и осведомился, что означает эта манифестация. «Сударь, — отвечал он, — гора, на которой мы находимся,

называется «Поклонной» и всякий добрый москвич при виде святынь города обязан перекреститься».

Вот что значила для москвичей Поклонная гора, которую историк Иван Забелин назвал «самым памятным в нашей истории и примечательным по своей топографии местом», с высоты коего «исстари русский народ привык воздавать поклон матушке-Москве». Если бы Наполеон усвоил это, ему бы никогда не пришла в голову мысль ждать здесь ключи от Первопрестольной столицы!

Французы входили в пустую Москву. Оставшиеся кое-где жители сидели, запершись по домам. Уже сама эта пустота поселила в сердцах горе-завоевателей ощущение неизвестной,

Французы в Москве. 1812 год. Худ. неизвестный.

Исторические штудии

но скорой беды. Так блуждает по безлюдному лесу потерявшийся человек, заходя всё глубже и дальше. В те дни лейтенант Цезарь Ложье записал в дневнике: «Молчание, нагоняющее страх».

А ведь с какой радостью рассматривали они Первопрестольную в свои окуляры за несколько часов до этого! Обилие золотых куполов города «сорока сороков» поразило их. Ни одна покорённая столица не поразила их своей красотой так, как Москва! Правда, всезнающий император немедленно объяснил своим солдатам — скопище церквей есть не что иное, как свидетельство непросвещённости этого дремучего и азиатского народа.

Придя в Москву без ключей, Наполеон вломился в незнакомый город как вор в чужой дом. И пока французские солдаты напяливали на себя обнаруженные в дворянских усадьбах меха и соболя, опустошая несметные батареи вина в московских подвалах и поражаясь огромным запасам продовольствия, оставленным будто специально, русские поджигатели наводнили Москву с факелами и пиками. Трудно поверить, но французы поначалу даже не пытались их задержать! А когда очухались — было уже поздно.

В Кремле Наполеон появился 3 сентября, а на следующий день огонь, окруживший древнюю крепость со всех сторон, вынудил императора срочно бежать из неё по подземному ходу. Ещё утром дела были не так плохи, и он успел даже чиркнуть письмецо своей любимой супруге, в котором расхваливал Москву как город, равный по величине Парижу. В конце он приписал: «Моё здоровье хорошее, мой насморк кончился. Враг отступает... Прекрасное завоевание — результат сражения при Москве-реке». Интуиция не подсказала Наполеону, что главный его враг — огонь, который наступал с удесятёрной силой.

Через несколько часов Наполеон вновь впал в крайне нервное состояние, сравнимое с тем, что он испытал на Поклонной горе. Не стесняясь своего адъютанта Сегюра, он «не нахо-

дил себе места, каждую минуту вскакивал и опять садился. Он быстрыми шагами бегал по комнатам, и во всех его жестах, в беспорядке его одежды выражалось необычайное беспокойство. Из его стеснённой груди вырывались по временам короткие, резкие восклицания: «Какое ужасающее зрелище! Это они сами! Столько дворцов! Какое необыкновенное решение! Что за люди! Это скифы!».

Временное укрытие он нашёл в Петровском путевом дворце, где обычно останавливались перед коронацией русские цари. Отсюда ему оставалось лишь наблюдать, как тонет в огне так и не доставшаяся ему древняя русская столица. Правда, даже во дворце стёкла от жара нагревались настолько, что к окнам невозможно было подойти, поэтому волосы любопытного императора обгорели.

6 сентября, когда большая часть Москвы обратилась в золу, Наполеон осмелился вернуться в Кремль. В тот же день, обозревая дымящиеся развалины, он обратил внимание на оставшийся целым и невредимым Воспитательный дом (на Москворецкой набережной), героически спасённый его жителями от уничтожения. Наполеон пожелал встретиться с главным надзирателем дома — Иваном Тутолминым. Встреча эта стала поистине исторической, поскольку иллюстрирует пример поисков мира, предпринятых французским императором в сентябре 1812 г.

Это стало второй ошибкой Наполеона. Самоуверенность императора не позволила ему понять загадочную русскую душу. Казалось бы, можно ли надеяться на мирные переговоры с противником, после того как он сжёг свою древнюю столицу? Уже сам этот факт, выраженный в девизе «Так не доставайся ты никому», служит своеобразным ответом агрессору. Русские не просто спалили Москву, они «сожгли мосты» к возможным мирным переговорам.

Наполеон принял Тутолмина в Кремле 7 сентября. Разговор продолжался почти полчаса, в течение которого говорил, в основном, император. Вначале он пошутил, спросив, не бояться

А. Васькин. «Напрасно ждал Наполеон...»

ли до сих пор сироты Воспитательного дома, что французы их съедят? Затем Наполеон решил прочитать лекцию о том, что если бы «этот Ростопчин» не сжёг Москву, то всем москвичам было бы сейчас так же хорошо, как и населению Воспитательного дома.

Ростопчина Наполеон вспоминал не раз и не два в своём обличительном монологе, причём самыми недобрыми словами. Могло даже сложиться впечатление, что поскольку Москва занята французами, то и в этом также виноват московский генерал-губернатор. «Донесите о том императору Александру!» — то ли попросил, то ли приказал Наполеон Тутолмину.

Затем, ознакомившись со списком детей, находившихся в Воспитательном доме, Наполеон вновь сострил, сказав с улыбкой,

что всех взрослых девиц таки успели эвакуировать! Неизвестно, какую ещё шутку отпустил бы Наполеон, если бы взгляд его не остановился на окне, откуда ему вновь показалась сгоревшая Москва. Император опять переключился на большую тему: «Несчастный! К бедствиям войны, и без того великим, он прибавил ужасный пожар, и сделал это своей рукой хладнокровно! Варвар! Разве не довольно было бросить бедных детей, над которыми он первый попечитель, и 20 тыс. раненых, которых русская армия доверила его заботам? Женщины, дети, старики, сироты, раненые — все были обречены на безжалостное уничтожение! И он считает, что он римлянин! Это дикий сумасшедший!». Нетрудно догадаться, что Наполеон вновь вспомнил о Ростопчине, дав ему такую объёмную и эмоциональную характеристику.

В покорённой Москве (Поджигатели). Худ. В.В. Верещагин.

Исторические штудии

Наконец, взяв себя в руки, Наполеон выдал из себя то, ради чего он и позвал в Кремль Тутолмина: он выразил готовность к заключению мира с Александром I, которого, как оказалось, он очень любит и уважает. Тутолмин и призван был стать тем перекидным мостиком, по которому желание миролюбивого французского императора достигло бы ушей и глаз русского государя. Для чего Наполеон попросил Тутолмина немедленно написать соответствующий рапорт своему царю. Долгими путями шёл рапорт в Санкт-Петербург, в конце концов достигнув царского двора. Однако ответа не удостоился — в переписку с Наполеоном Александр 1-й вступать не пожелал.

Очень похожим было содержание аудиенции, данной ещё одному невольному парламентёру — Ивану Яковлеву, сын которого известен нам как Александр Герцен. Письмо Наполеона, переданное через Яковлева, также дошло до адресата, но ответа не получило.

Ещё одной попыткой помириться была поездка генерала Лористона к Кутузову. Но «старый лис Севера» (так Наполеон называл светлейшего князя) французскому посланнику толком ничего не сказал. А время шло... А Наполеон всё не унимался. Не слушая уговоры своего окружения, что дальнейшее промедление с эвакуацией из Москвы смерти подобно, тем самым Наполеон даёт третий промах.

Его внимание отвлекают совершенно неуместные в таких обстоятельствах занятия. Вместо того, чтобы покинуть Москву, он принялся за организацию процесса против поджигателей, дабы доказать всей Европе, кто есть истинный виновник пожара. Его очень волновало отношение Европы, её толкование московского сидения французов. Не подумают ли там, что Наполеон проиграл кампанию? Волнения были не напрасными. Пока его армия грабила Москву, Кутузов сумел перегруппировать свои войска так, что они оказались в тылу у французов, совершив знаменитый Тарутинский манёвр.

Наполеон желает устроить в Москве театр. Спектакли показывают в уцелевшем доме Позднякова на Большой Никитской. Французы и по сей день расценивают открытие театра в Москве, как желание императора «пустить пыль в глаза» москвичам. Какие уж тут москвичи! Цель была иная — убедить свою армию, что зимовка в Москве предreshена. Даже из Парижа артистов хотел выписать... Как метко выразился по этому поводу один из наполеоновских генералов, голландец Дедем: «Он усыплял себя на краю пропасти».

А ещё Наполеон был озабочен поисками в Москве бумаг о восстании Емельяна Пугачёва. Уж не в Московском ли архиве иностранных дел искали его солдаты эти бумаги? Здание архива до сих пор стоит в Хохловском переулке. Чудом уцелело оно в московском пожаре. Оставшиеся в оккупированной Москве архивные служащие вспоминали, как 5 сентября французы, «приехав в архив верхами... имея в руках ломы и топоры, начали разбивать замки, а разломав оные, взошед, начали грабить положенное там на сохранение... дела и бумаги всё выкинули на пол и топтали ногами».

Сведения о пугачёвском бунте так и не нашли. Для чего они были нужны Наполеону? Император грезил крестьянским восстанием в России: дескать, подпишет он декрет об освобождении крестьян на оккупированной территории, и русская армия, набранная из крепостных, разбежится кто куда. Об этом Наполеон советовался даже с мадам Обер Шальме, содержательницей модного магазина в Глинищевском переулке (её москвичи прозвали Шельмой и вполне обоснованно считали французской шпионкой). Но быстрее всего разложилась его собственная армия: «Мы были похожи на свору голодных, сорвавшихся с цепи шакалов, готовых броситься на любую добычу», — свидетельствовал один из наполеоновских солдат.

И куда только подевалась хваленая французская дисциплина! Ни одна другая европейская столица, будь то Берлин, Вена или Варшава, не видела такого нравственного

А. Васькин. «Напрасно ждал Наполеон...»

распада, который произошёл с наполеоновской армией в Москве. Не только грабежи и мародёрство, но и насилие над местным населением стали непременными чертами французской оккупации Москвы. Всего лишь за несколько дней культурная нация превратилась в пьяный сброд, сборище дикарей. Наполеоновские вояки замахнулись на святое — они осквернили православные храмы и монастыри. Пытавшихся пресечь грабёж русских священников убивали на пороге церквей.

Но разве не те же люди за двадцать лет до этого громили католические храмы у себя в Париже? Например, в 1793 г. во время Великой французской революции любители свободы, равенства и братства ворвались в собор Парижской Богородицы и ободрали его, как липку, обезглавив статуи библейских царей, приняв их за изваяния французских королей. Награбленную церковную утварь и колокола переплавили (то же самое солдаты Наполеона сотворили в Успенском соборе Кремля, переплавив в горнах церковное серебро и золото).

Чтобы поддержать боевой дух разлагающейся армии, Наполеон каждый день устраивает военные смотры в Кремле, раздаёт ордена и звания. Но могут ли они заменить кусок хлеба, по которому так истосковались его солдаты? В силах императора было преподнести своей армии самый приятный подарок — приказ об оставлении Москвы. И когда, наконец,

он решился на это, настроение армии «совершенно переменялось, на всех лицах засияла радость», как вспоминали французы.

Тем более, что сама погода изначально была против завоевателей, кидая их из огня да в полымя. Сперва невиданный московскими старожилами ураганный ветер с севера закрутил огненную воронку, поглотившую восемьдесят процентов зданий. И французы оказались в огненном пекле, будто на раскалённой адской сковородке. Затем наступило испытание холодом, первым снегом. Наполеон не мог поверить в то, что его армия испугается русских морозов. В конце жизни, на острове Св. Елены он напишет: «В Москве весь мир уже готовился признать моё превосходство: стихии разрешили этот вопрос». Всё в нашей стране оказалось чуждым.

Месяц понадобилось императору, чтобы понять, что русские провели его. Московская позиция подвела его, и он проиграл эту шахматную партию, разыгранную на бескрайних российских просторах. От более чем полумиллионной армии, переправившейся через Неман в июне 1812 г., к декабрю осталась лишь жалкая горстка оборванных и голодных вояк, с трудом убравшихся восвояси. И не беда, что в парижском Доме инвалидов слово «Москва» высечено в ряду знаменитых побед Наполеона. Мы-то знаем, кто тогда победил и чем всё это закончилось для завоевателей!

